

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	11
ГЛАВА 1. ЭТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	13
Общественная наука	13
Ненаучные подходы к этике	13
Частичные совпадения экономической науки и этики	14
Двоякая связь: каким образом этика входит в экономическую науку	17
Двоякая связь: каким образом экономическая наука проясняет этику.....	23
Утилитаризм: предварительное рассмотрение	29
Композиция книги	31
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1	33
ГЛАВА 2. НЕКОТОРЫЕ ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ	35
Уровни исследования	35
Разрыв между сущим и должным	37
Позитивные высказывания, звучащие как нормативные, и нормативные высказывания, выражающие факты....	39
Попытки отрицать разрыв между сущим и должным....	43
Заблуждение логического позитивизма.....	49
Фундаментальные и конкретные нормативные суждения.....	52
Этическое разногласие	57
Рефлексивное равновесие.....	59
Мнения и позиции.....	61
Определение некоторых спорных терминов.....	62
Моральный релятивизм и моральная объективность.....	66
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 2. Свобода воли и этика	68
<i>Нерешенная старая проблема</i>	68
<i>Шлик о данной проблеме</i>	69
<i>Согласование Хэзлита</i>	72
<i>Еще две попытки согласования</i>	72
<i>Детерминизм как фатализм</i>	74
<i>Возрастающая сложность</i>	75

<i>Случайность</i>	78
<i>Опыт свободы воли</i>	81
<i>Проблема самоотнесения в детерминизме</i>	83
<i>Неопровержимость детерминизма</i>	84
<i>Крайние позиции и частичный детерминизм</i>	86
<i>Заключение</i>	90
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2	93
ГЛАВА 3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТИКИ	97
Объяснение происхождения и оценка содержания	97
Совместим ли альтруизм с естественным отбором?	98
Отбор родичей и взаимность	101
Послушность и ограниченная рациональность	105
Групповой отбор	107
Отбор через культуру	110
Темы, разрабатываемые Хайеком	112
Распространение альтруизма	115
И снова об объяснении происхождения и оценке содержания	117
Заключение	121
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3	123
ГЛАВА 4. ОБОСНОВАНИЕ КОСВЕННОГО УТИЛИТАРИЗМА	125
Смысл утилитаризма	125
Предпоследний критерий: общественное сотрудничество	126
Последний, или высший, критерий	127
Симпатия: счастье как широко распространенный критерий	128
Утилитаризм – не гедонизм	129
Предубеждение против удовольствия	130
Утилитаризм поступка и утилитаризм правил	131
Косвенный утилитаризм как расширенный утилитаризм правил	134
Возражения против различения утилитаризм поступка / утилитаризм правил	136
Польза гибких и модифицируемых моральных правил. ...	141
Непрямые пути к конечным целям	144

Правила как универсальные средства достижения разнообразных целей	145
Примечания к главе 4	147
ГЛАВА 5. ЧТО СЧИТАЕТСЯ ПОЛЬЗОЙ?	149
Тождественно ли счастье удовлетворению желаний	149
Эндогенность предпочтений	149
Обеспокоенность по поводу манипуляции предпочтениями	153
Сравнение институтов	156
Является ли утилитаризм нейтральным в отношении ценностей?	157
Намерения или результаты?	159
ГЛАВА 6. ПРЕСЛОВУТАЯ ПРОБЛЕМА СУММИРОВАНИЯ	163
Обвинение в суммировании	163
В суммировании нет никакой необходимости	169
Поясняющий пример	170
Польза — для кого?	172
Объективность (detachment)	173
Суммирование как метафора: суммарная польза и средняя польза	176
Распределение пользы	182
Заключительные замечания о рассмотренной нами критике	190
Приложение к главе 6. Понятие суммирования в истории утилитаризма	191
<i>Утилитаристы, возможно, уязвимые</i> <i>для обвинения в суммировании</i>	191
<i>Иеремия Бентам</i>	191
<i>Томас Гоббс</i>	192
<i>Давид Юм</i>	194
<i>Адам Смит</i>	198
<i>Джон Стюарт Милль</i>	199
<i>Герберт Спенсер</i>	203
<i>Современные утилитаристы</i>	204
Примечания к главе 6	205
ГЛАВА 7. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УТИЛИТАРИЗМ АМОРАЛЬНЫМ?	209
Недостойные удовольствия и злорадство	209

Эзотерическая мораль	212
Недобросовестные действия	213
Случаи со спасательной шлюпкой и вынужденные жертвы	218
Столкновение принципов	223
Интуиции и утилитаризм	225
Фетишизм правил	226
Заключение	229
Примечания к главе 7	230
ГЛАВА 8. АЛЬТРУИЗМ И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС	231
Введение-оправдание	231
Личный интерес и альтруизм	235
Зачем быть нравственным человеком?	237
«Мудрый демон» Платона, «безумец» Гоббса и «смышлелый негодяй» Юма	239
Современные обсуждения	243
Взаимность	247
План примирения	252
Характер индивида и общества	257
«Жадность»	259
Заклучение	262
Примечания к главе 8	266
ГЛАВА 9. ДОЛГ И УНИВЕРСАЛИЗИРУЕМОСТЬ	269
Воззрения Канта и других относительно долга	269
Исполнение долга в исключительных случаях	273
Принцип генерализации	274
Универсализируемость как логическое или языковое требование	276
Универсализируемость как вывод утилитаризма	278
Пристрастность и универсализируемость	281
Заклучение	286
Примечание к главе 9	287
ГЛАВА 10. СОПЕРНИКИ УТИЛИТАРИЗМА	289
Классификация доктрин	289
Интуитивизм	290
Пример интуитивистской теории	294

Объективный натурализм	297
Субъективизм	298
Эмотивизм	299
Другая классификация	300
Контрактуализм	303
«Суждения с позиции истины» и фаллибилизм	308
Джон Грей о контрактуализме	311
Естественные права, или права человека	312
Что такое права?	314
Трансцендентальные аргументы в пользу прав	319
Обоснование прав в аристотелевском духе	322
Могут ли права быть основополагающими?	324
Пример обращения к основополагающим правам	325
Утилитаристское обоснование прав	328
Равенство как одна из фундаментальных ценностей	330
Является ли утилитаризм пустой доктриной?	331
Заключение	334
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 10	336
ГЛАВА 11. ПРАВО, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИКА	341
Обоснование политической власти и политической обязанности	341
Типы обоснования: общественный договор	343
Другие обоснования: естественные права, разумная воля, полезность	347
Ценности и социально-экономическая политика государства	349
Соотношение между правом и моралью	353
Некоторые спорные понятия: демократия	359
Свобода и форма правления	360
Общественный интерес, общее благо и социально-экономическая политика государства	364
Преступление, наказание и возмездие (retribution)	366
Права собственности и исправление положения	374
Общее право и законодательство	377
Правовой позитивизм и естественное право	378
Дополнительные примеры естественно-правового и позитивистского мышления	382

Показательные разногласия	389
Путь к согласованию	393
Либертарианские принципы, основанные на пользе: один пример	395
Заключение	397
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 11. ЛИБЕРТАРИАНСТВО И КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ	399
<i>Либерализм и критерий Парето.</i>	<i>399</i>
<i>Либертарианская критика утилитаризма</i>	<i>400</i>
<i>Предполагаемая либертарианская этика</i>	<i>402</i>
<i>Мизес и естественные права</i>	<i>409</i>
Заключение	412
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 11	414
ГЛАВА 12. В ИТОГЕ — УТИЛИТАРИЗМ	419
Соотношение между экономической наукой и этикой	419
Ценностные суждения	420
Общественно-научный подход к этике	421
Взаимность	422
Атака на утилитаризм	425
<i>Суммирование</i>	<i>426</i>
<i>Аморальность</i>	<i>427</i>
<i>Фетишизм правил</i>	<i>429</i>
<i>Бессодержательность</i>	<i>430</i>
Естественное право и естественные права	431
Контрактуализм	433
В итоге — утилитаризм	435
БИБЛИОГРАФИЯ	437
УКАЗАТЕЛЬ	465

ОТ АВТОРА*

Я выражаю признательность Питеру Бёттке, Уильяму Бутосу и Марио Риццо, воодушевлявшим меня в осуществлении давнего замысла. На решающей стадии работы Глен Уитмен высказал ценные предложения относительно расположения глав и разделов, по большей части мною уже предварительно намеченного. В подобном совете я очень нуждался, поскольку обсуждение почти каждой темы мне хотелось поместить *после* освещения почти всех остальных. (Этика сходна с экономической наукой в том отношении, что в ней одни части можно глубоко понять только на основе других частей. Это требует изложения по спирали, с некоторыми повторениями.) Я последовал совету г-на Уитмена, но не во всем, так что его не надо винить в композиционных недостатках книги. Он не ответствен и за ее состав; например, после некоторого колебания я не послушался совета изъять материал, включенный в книгу в качестве Приложения к главе 2.

Я благодарен нескольким группам студентов из Виргинского и Обернского университетов (и одной группе из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе) за их терпение и за любопытные отклики на материалы книги, представленные на моем семинаре по политической экономии. Хочу поблагодарить и тех, кто участвовал в обсуждениях в Виргинском университете, Университете Джорджа Мейсона, Обернском университете и слушал меня на съездах Южной экономической ассоциации и Международного атлантического экономического общества. Институт Катона и Международное атлантическое экономическое общество доброжелательно поддерживали меня в процессе написания работы, которая вышла в «*Sato Journal*» и в «*Atlantic Economic Journal*».

Из текста книги ясно, какие экономисты и философы оказали наибольшее влияние на мой образ мыслей. Но все же надо отдельно отметить Томаса Гоббса, Давида Юма, Джона Стюарта Милля, Людвига фон Мизеса, Фридриха Хайека, Генри Хэзлита, Айн Рэнд, Пола Эдвардса и Р. М. Хэара. У Джеймса Бьюкенена я нашел не только источник вдохновения, но и вызовы, у Мюррея Ротбарда — особенно вызовы.

* На полях под чертой обозначено начало страницы по английскому оригиналу. См. Указатель.

Из всех прочитанных мною книг Генри Хэзлита на разные темы, по моему мнению, лучшая (выделяемая и им самим) — «Основания морали». Это и лучшая книга по этике из тех, которые я знаю. Мне кажется, Хэзлит далеко не получил того признания, какого он заслуживает за свои достижения в общественно-политических науках, и только лишь потому, что у него не было трамплина в виде обычных дипломов. Это был широко образованный человек, но во многом самоучка. В моей книге нашли отражение мысли Хэзлита, но они высказаны здесь другим языком и подкреплены другими фактами; я также учел одобрение их или критику со стороны многих авторов, не тех, на кого ссылался Хэзлит. Важные идеи заслуживают неоднократных попыток их обосновать.

Нельзя не упомянуть о наследстве, оставленном моим покойным дядей Чарльзом Беннетом; я воспользовался им для оплаты двухнедельного пребывания в Рехобот-Бич, штат Делавэр. Там я работал над рукописью почти в полном уединении, ни на что не отвлекаясь. Так что пример с «пляжными дощатыми настилами для прогулок» пришел мне в голову не случайно.

Когда в книге излагается, что думает «утилитарист» или что думают «утилитаристы», я подразумеваю самого себя; конечно же, я не претендую на то, чтобы говорить от имени всех утилитаристов. Ссылки на ту или иную главу относятся к главам настоящей книги, если не очевидно, что это отсылка к главам книги какого-то другого автора. Я ссылаюсь на сочинения по году публикации или по году их первоначальной публикации плюс год выхода использованного мной издания. Полное описание работ дано в Библиографии, помещенной в конце книги. В тех случаях, когда Библиография включает две или несколько работ одного автора, вышедших в один год, при ссылках на них я предпочитаю не прибавлять к году выхода «а», «b» и т.д., а приводить аббревиатуры названий.

ГЛАВА 1. ЭТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Общественная наука

Назвать этику общественной наукой не значит заявить о какой-то отдельной науке, располагающей собственным техническим аппаратом, или попытаться придать этике авторитет науки. Это значит только выразить определенную позицию. Вместо того чтобы быть полем для упражнения в интуициях, откровениях и выпренных речах, этика может ориентироваться на открытия общественных (и естественных) наук и психологии. Она может даже подсказывать вопросы для этих областей знания.

Общественная наука помогает сверять этические интуиции с фактами. Она рассматривает расхождения между ценностями и помогает выделить из существующих ценностей наиболее фундаментальные. Она признает, что, руководствуясь одними только фактами и логикой, невозможно рекомендовать определенные поступки частным лицам и определенную социально-экономическую политику государству; для этого необходимы также этические суждения. Поскольку «одних благих намерений мало», общественная наука полагает обязательным сравнение того, как, по всей вероятности, будут работать альтернативные совокупности институтов и правил.

Подзаголовок книги — «Моральная философия общественного сотрудничества» — из-за краткости не вполне точен. В более полном виде он выглядел бы так: «Моральная философия, основанная на требованиях общественного сотрудничества». Книга призвана объяснить, почему люди признают этические предписания и высоко ценят черты характера, способствующие их соблюдению. Главное в этом объяснении — то, чего требует «общественное сотрудничество», а именно: система законов, обычаев, установок и т.д., которая благоприятствует успешному сотрудничеству индивидов, старающихся, каждый по своему, обеспечить себе достойную жизнь.

Ненаучные подходы к этике

Идея этики как общественной науки становится ясной при сопоставлении ее с иными воззрениями. Согласно одному из них, этические предписания являются богооткровенными или представляют собой

божественные заповеди. Но может ли само значение или содержание таких понятий, как «благо» и «зло», исходить от Бога? Чтобы называть Бога «благим», как это принято в иудео-христианской традиции, нужно иметь критерии блага и зла, не связанные с божественной волей.

Другой ненаучный подход был свойствен Иммануилу Канту, утверждавшему, что моральная философия пренебрегает всяким эмпирическим знанием о человеческой природе и человеческом обществе и коренится в чистом разуме (Copleston 1985, vol. VI, p. 312–313). Моральные законы безусловно обязательны для всех разумных существ и действительны совершенно независимо от случайных условий человеческого существования. Моральная благость состоит в самом понятии закона, который возможен лишь для разумного существа. Разум, собственно, служит цели гораздо более высокой, нежели счастье. Подлинную моральную ценность приобретает только поведение, соответствующее с долгом (Kant 1785/1949, p. 143, 147–149, 156 <Kant 1965, с. 229, 233–235, 243>*). (Удалось ли Канту отрешиться от всех эмпирических соображений – это другой вопрос. Джон Стюарт Милль считал, что не удалось, см. «Утилитаризм», гл. I и V.)

Более поздний пример антиэмпиризма демонстрирует Хадли Аркес (его позиция будет подробнее рассмотрена в главе 10). Провозглашая объективную, автономную, не подчиненную ничему иному и не требующую обоснования этику, Аркес весьма туманно говорит о том, какова же «логика самой морали» (Arkes 1986, p. 114, 166). Аксиомы морали обладают «всеобщей истинностью... гарантированной их необходимостью» (p. 424–425). Объективная сущность морали обуславливает ее следствия и применения. Когда доказывают благотворность морали для индивида или для общества, ее в некотором смысле принижают. Аркес считает более благородным – полагаю, это не слишком упрощенная интерпретация – апеллировать не столько к фактам и доводам разума, сколько к глубинным интуициям¹.

Частичные совпадения экономической науки и этики

У экономистов, несомненно, есть какая-то причина для интереса к этике, ведь о нравственности писали Давид Юм, Адам Смит и многие другие². И наоборот, некоторые выдающиеся философы мора-

* Текст в квадратных скобках принадлежит автору, в угловых скобках – переводчику.

ли, в том числе Джон Ролз, Роберт Нозик, Лорен Ломаски и Тибор Махан, со знанием дела применяли в своих доказательствах экономическую науку. Разумеется, ни я, ни кто-либо другой из пишущих работы по этике не претендуем тем самым на особую степень личной добродетели, а только лишь на интерес к предмету и, возможно, на некоторую компетентность.

Частичное совпадение интересов экономистов и философов морали не случайно. Все обсуждения того, как *должны* вести себя люди, какую социально-экономическую политику *должны* проводить правительства и какие *обязанности* граждане *должны* иметь перед правительством, конечно же, затрагивают этику. Предмет обеих областей знания определяют одни и те же условия. Факт нехватки, природа человека как общественного животного и преимущества сотрудничества требуют, чтобы люди как-то налаживали отношения друг с другом, даже при отсутствии централизованного управления их взаимодействиями. И этика, и общественные науки связаны с использованием широких знаний, поддержанием сотрудничества, ослаблением напряженности и координированием нецентрализованных форм деятельности индивидов, преследующих свои собственные многообразные цели. Именно этим функциям служат правила, воспрещающие ложь, мошенничество, воровство и принуждение и поощряющие благожелательность и другие добродетели.

Как объяснял Давид Юм, реалии человеческой жизни порождают понятия собственности и справедливости. Первая из этих реалий – умеренная нехватка, «умеренная» в противоположность, с одной стороны, преизобилию рая земного, а с другой – отчаянной нехватке, как в «случаях со спасательной шлюпкой». Предпосылки и экономической науки, и этики включают также выигрыши, получаемые от специализации и обмена, как и от общительности и от искренней, но ограниченной благожелательности людей. Понятия справедливости и собственности, говорит Юм, обязаны своим происхождением «эгоизму и ограниченному великодушию людей, а также той скупости, с которой природа удовлетворила их нужды» (в оригинале курсив; Hume 1739–1740, bk III, pt II, sec. II, p. 446 in 1961 ed. <Юм 1996, т. 1, с. 535–536>; ср. 1751/1777/1930, sec. III <Юм 1996, т. 2, с. 189–209>). Правила и соглашения имеют целью «сглаживание шероховатостей и своенравия», мешающих союзу между людьми (1739–1740, та же глава, особенно р. 438, 441 in 1961 ed. <Юм 1996, т. 1, с. 527, 529–530>). Как показывают эти и другие пассажи, Юм считает мораль далеко не произвольной и не субъек-

тивной; мораль укоренена в природе, в особенности в природе человека (ср. D. F. Norton 1993).

Эти важные мысли по-своему излагает современный философ: «Этика, помимо всего прочего, является исследованием рационально оправданных основ разрешения конфликтов между людьми, у которых разные цели, но общий для всех мир. Так как ресурсы и возможности не безграничны, успех одного человека часто означает неудачу другого. <...> Философская нормативная этика — это изучение рационально оправданных стандартов разрешения межчеловеческих конфликтов. <...> Перед любой теорией в этике непременно стоит вопрос «Как нам жить вместе?»» (Lomasky 1987, p. 38, 47, 52).

Нехватка требует выбора. Обладание большим количеством каких-то благ, будь то материальных или нематериальных, достигается за счет обладания меньшим количеством других благ. «Альтернативные издержки» — еще одно из немногих главнейших понятий экономической науки. Выбор означает сравнение. Экономист не довольствуется суждениями о том, что какой-то конкретный выбор приводит к хорошему или плохому результату. Он спрашивает: «Хорошему или плохому в сравнении с чем?» Он с настороженностью относится к предполагаемым принципам, которые необходимо проводить в жизнь «во что бы то ни стало». Принципы важны, об этом говорится на протяжении всей моей книги; но принимать разумные решения, касающиеся поступков и социально-экономической политики, невозможно на основе одних лишь отвлеченных принципов, которые в худшем случае могут быть просто наборами громких слов. Чтобы понять, какой смысл заключен в принципах, надо исследовать, чего потребовало бы их осуществление. (Хороший пример приводит Хайек, анализируя предполагаемые принципы распределительной и социальной справедливости [Hayek 1960, ch. 6].)

Людам не хватает не только товаров и услуг, производственных ресурсов и времени, но также информации. Для них редкая роскошь — принимать решения, располагая полной информацией. Они вынуждены обходиться экономными принципами, правилами, выведенными из собственного опыта, прецедентами, обычаями, процедурами и институтами. Иногда им нужно самим оценивать альтернативные институты и правила.

Есть веские доводы в пользу разумного уважения к принципам, не допускающего пренебрежения ими ради прагматического выбора, при котором в каждом отдельном случае учитываются лишь очевидные плюсы и минусы. Эти доводы касаются потребности в экономии информации и издержек принятия решения; координи-

рования решений и действий людей; необходимости избегать узости взглядов и корыстного самооболащивания; воспитательной роли принципов. Однако никакой достаточно определенный принцип не бывает столь неоспоримо верным, чтобы требовать его неукоснительного применения в каждом единичном случае независимо от последствий. Он может расходиться с другими релевантными принципами. Здесь, как и в других вопросах, рассматриваемых экономистами, разумной позицией может быть середина между двумя мыслимыми крайностями; но констатировать это — не значит рекомендовать всегда без долгих размышлений занимать умеренную позицию.

Двойкая связь: каким образом этика входит в экономическую науку

Между этикой и остальными общественными науками существует двойкая связь. (Правда, различие двух аспектов этой связи не является четким и, скорее, служит приемом схематизации.) С одной стороны, этика участвует в выяснении условий, необходимых для материального процветания и прогресса. С другой стороны — и это определяет главную тематику данной книги — общественные науки помогают прояснить некоторые кардинальные вопросы относительно природы, обоснования, убедительности и оценки предполагаемого этического знания.

Даже позитивная экономическая теория, добивающаяся научного статуса, должна уделять внимание этическим стандартам, так как от них зависит, насколько успешно осуществляется экономия. Фрэнсис Фукуяма (Fukuyama 1995) подчеркивает важность доверия. Такие институты, как права собственности, договор, коммерческое право, предполагают соответствующие моральные обычаи. Поиски подходящего покупателя или продавца, заключение договора и обеспечение его исполнения в случае спора или обмана, выполнение постановлений правительства — все это облегчается, если каждая сторона может положиться на честность другой. Доверие избавляет от необходимости подробно разяснять условия договора, страховать от непредвиденных обстоятельств и обращаться в суд, если все же возникнет спор. Преобладающее недоверие заставляет прибегать к различным формальностям и, таким образом, облагает бизнес своего рода налогом. Издержки заключения сделок, вероятно, будут ниже в обществах с разделяемыми всеми их членами мораль-

ными ценностями. Высокая степень доверия позволяет также более гибко подходить к организации рабочего места и переносить ответственность на низшие уровни. Благодаря неформальным соглашениям смягчение правил работы в пользу нанимателя и гарантированная долгосрочная занятость для работника могут компенсировать друг друга (Fukuyama 1995, р. 27–28, 31, 149–156, 263, 310–311, 352 <Фукуяма 2008, с. 26, 29, 142 слл., 255, 307–309, 342>). (Фукуяма не ссылается, но вполне мог бы сослаться на Артура Окуна [Okun 1981] и на введенное им понятие «невидимого рукопожатия», фигурирующее в макроэкономике.)

Как пишет Джеймс Бьюкенен, люди постоянно сталкиваются с проблемой общественного устройства; они «понимают, что должны жить вместе и потому им нужно установить *для себя самих* общественные правила и общественные институты» (Buchanan 1979, р. 208). Экономисты не могут пренебрегать стоящей перед ними задачей исследования «таких правил и институтов, сосредоточивая внимание на мелочах». Общественное устройство, предполагающее свободный рынок, требует, помимо законов о собственности, «общей для всех совокупности моральных предписаний» (Buchanan 1979, р. 211–212, а также рт 3 в целом). «...Общество не может быть свободным, процветающим и самоуправляющимся без численного перевеса честных людей над бесчестными. <...> Рынок не сможет работать, если каждому придется постоянно пересчитывать сдачу» (Nutter 1983, р. 55).

Сходные представления излагают многие экономисты и политики, хотя они и в меньшинстве. Стивен Роудс сетует на то, что экономисты обычно стараются избегать вопросов о ценностях, принимая наличествующие вкусы и предпочтения как данность, не подлежащую анализу (Rhoads 1985, например р. 213). Уоррен Наттер подвергает критике «узость взгляда экономистов на человеческий род и его поведение» (Nutter 1983, р. xiii). «Специализация, фетиш научности и этической нейтральности и противоречивый утопический дух отдалили большинство экономистов от реальности» (р. 47). По мнению Наттера, формальная экономическая теория благосостояния (которая считается одним из приложений абстрактной микроэкономической теории) не имеет почти никакого отношения к реальному миру. Наттер предложил заменить ее сложным сравнительным анализом альтернативных систем институтов – политической экономией, наукой, призванной построить более совершенное общество (р. 42–45). Герберт Франкель и Айн Рэнд отдельно писали о моральном значении денег. Деньги – одновременно инстру-

мент и символ общества, где мужчины и женщины, производящие блага, получают пользу от достоинств друг друга и способствуют их дальнейшему развитию, добровольно обменивая одну ценность на другую, вместо того чтобы пытаться жить грабежом или подачками (Frankel 1978, под явным влиянием философа Георга Зиммеля; Rand 1957, pt 2, ch. II <Рэнд 2014, с. 421–426>, речь литературного персонажа Франсиско д'Анконии).

Подобные идеи имеют давнюю историю. Давид Юм считал существенными для долгосрочного планирования, сбережения и инвестирования, а также сотрудничества в крупных проектах три условия. Это стабильность владений, передача собственности по согласию (а не силой или обманом) и выполнение обещаний (Hume 1739/1740, bk III, pt II, особенно sec. II–VI <Юм 1996, т. 1, с. 525–573>).

Еще Томас Гоббс подчеркивал важность мира и безопасности, предполагающих правительство, достаточно сильное, чтобы не допускать войны всех против всех. Там, где каждый враг каждого и каждый должен сам заботиться о своей безопасности, «нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества», — далее следует описание жизни в таких условиях, ставшее от многократного цитирования настолько избитым, что я не буду цитировать его в очередной раз. Между тем мир и безопасность, в частности гарантированные права собственности и сопутствующие им возможности создавать и накапливать богатство, позволяют вести «хорошую (commodious) жизнь» — выражение, обозначающее у Гоббса экономическую развитость (Hobbes 1651, pt I, ch. XIII, p. 85–86 in 1952 ed. <Гоббс 1991, с. 96, 98>).

В этих пассажах 1651 г. Гоббс излагает самую суть теории экономического развития. Важность мира и безопасности иллюстрируют сегодня многие страны третьего мира, страдающие от их отсутствия. Вильгельм Рёнке отметил, что в этих странах часто нет «духовных и моральных основ» для экономического благосостояния западного типа (Rörke 1958/1971, p. 119). Лоуренс Харрисон подробно пишет о том, как моральный и общественный идеал обуславливает экономическую отсталость или экономическую развитость (Harrison 1985, 1992 <Харрисон 2008>; ср. Naipaul 1964/1981 <Найпол 2008>, об Индии, какой она была тремя-четырьмя десятилетиями ранее.)

Такие догадки о моральных аспектах экономической науки, несмотря на то что они нередки, освящены веками и крайне важны, остаются на периферии этой дисциплины; они с трудом поддаются обманчиво формальному и по видимости «строгому» математическому моделированию и эконометрической проверке. (Об этом, быть может, не стоит сожалеть. Узкая специализация окупает себя и в работе ученых. Даже формальная и малопродуктивная экономическая теория благосостояния ставит задачи, решение которых помогает в совершенстве овладеть техническими тонкостями теории цены.)

Но, пусть они и не в моде, этические соображения, безусловно, имеют отношение к тому, что, возможно, составляет центральную проблему экономической науки: к объяснению того, как отдельные единицы — индивиды, домашние хозяйства, торговые фирмы и другие организации — связаны друг с другом в целой экономической системе. (Как предупреждал Вальтер Ойкен, точечная концентрация внимания на решениях и действиях отдельных единиц опасна тем, что может отвлечь от центральной проблемы — координации в масштабах всей экономики [Eucken 1954, p. 220–221].)

Экономическая наука изучает, каким образом даже люди, никогда не встречающиеся друг с другом, могут сотрудничать, преследуя в жизни свои собственные цели. Каждый играет определенную роль в разделении труда, диктующем узкую специализацию; но различные стремления людей приходят в соответствие друг с другом без посредства какой-либо власти, берущей на себя задачу координации. Каким-то образом осуществляется *общественное сотрудничество*, составляющее центральное понятие этой книги. Особой областью сотрудничества и координации является рынок, с такими его сигналами и стимулами, как цены, издержки, прибыль и убытки. *Конкуренция*, в которой часто усматривают противоположность сотрудничеству, в действительности служит ему как неотъемлемая часть рыночного процесса. Но рынок — это только один элемент из множества институтов, практик и убеждений, которые служат сотрудничеству. К таким институтам относятся, например, разговорный и письменный язык, правовая и политическая системы, неформальное общение, этические нормы.

Экономист Дэвид Леви (см. Kincaid 1993) высказывает мысль, что мораль помогает избежать потери потенциальных выигранных от обмена и других видов сотрудничества — потерь, связанных с узостью взглядов и недалекновидностью, с недостатком знания или ограниченностью коммуникации. В классическом примере, извест-

ном как дилемма заключенного, два человека могли бы оба извлечь пользу от сотрудничества; тем не менее каждый, надеясь получить преимущество над другим или опасаясь стать его жертвой, действует узко эгоистически, и в результате оба терпят ущерб. На языке экономической науки это выражается так: поскольку каждый из них стремится к локальному оптимуму, оба не достигают большего оптимума. Прибегну к метафоре. Альпинист столь решительно настроен двигаться только вверх, не делая вниз ни шагу, что останавливается наверху ближайшего холма и не доходит до самой высокой вершины горной цепи.

Так как понятие «дилемма заключенного» используется в некоторых из рассматриваемых в этой книге работ, на нем следует остановиться подробнее. Своим названием дилемма обязана одному часто приводимому примеру (Rapoport 1987). Два человека арестованы за квартирную кражу со взломом. У обвинителя недостаточно улик, чтобы можно было осудить их за это преступление, но он мог бы добиться их осуждения по обвинению в менее тяжком преступлении — за владение украденными вещами. Рассчитывая на то, что один или оба подозреваемых изобличат другого обвиняемого, обвинитель опрашивает каждого отдельно, обещая каждому свободу в обмен на решающие свидетельские показания против сообщника, который будет обвинен в краже со взломом и приговорен к длительному сроку заключения. Если обвинитель не получит решающих свидетельских показаний, так как *оба* сознаются и каждый даст показания на другого, тогда оба будут приговорены к среднему сроку заключения. А если оба будут молчать, обоих приговорят к краткосрочному заключению по обвинению в менее тяжком преступлении.

Если бы арестованные могли заключить сделку и выполнять ее условия, оба молчали бы, тем самым сводя к минимуму совокупный срок заключения. Но поскольку они, как предполагается, не имеют такой возможности, каждый должен решать сам. Каждый, со своей узкой точки зрения, считает, что независимо от того, выдаст ли его сообщник или останется верен ему и будет молчать, лучшая линия поведения для него самого — выдать другого. Поэтому каждый выдает сообщника, и оба получают большие сроки, чем получили бы, если бы оба хранили молчание.

В этом примере, занявшем прочное место в литературе, есть отвлекающий момент: оба персонажа — преступники, которые могут быть неинтересны наблюдателю. Нетрудно придумать пример, когда наблюдатель испытывал бы симпатию к действующим лицам. Так или иначе, суть всех подобных примеров в том, что индивидуаль-

но рациональное эгоистическое поведение может привести к худшим результатам для обоих лиц, чем поведение, не чуждое заботы о другом; индивидуальная и коллективная рациональность могут не совпадать.

Примеры с двумя лицами можно распространить на большее число людей. Каждый из фермеров, чей скот пасется на общинном пастбище, думает, что в его интересах прибавить к своему стаду еще одну корову, однако вызываемое увеличением стада чрезмерное истощение пастбища может быть невыгодно каждому. То, что земля находится в общей, а не в частной собственности, ведет к «трагедии» (Hardin 1968/1972 <Хардин б.г.>). Некоторые теоретические исследования указывают на то, что возникающие макроэкономические проблемы с меньшей вероятностью приводили бы экономику в состояние рецессии, если бы предприятия и работники при резком падении спроса на их продукцию и труд незамедлительно снижали продажные цены и ставки заработной платы. Но подобные решения нецентрализованно принимают миллионы отдельных хозяйственных единиц, и у большинства из них есть свои, веские причины откладывать такую корректировку. В результате непредвиденная общая негибкость цен и заработной платы делает экономику более подверженной спадам, чем в случае, если бы цены и заработки были достаточно гибкими.

8 Правила морали позволяют если не преодолевать макроэкономические трудности, то хотя бы разрешать некоторые дилеммы заключенного. Моральные правила налагают ограничения, необходимые, чтобы не допускать поведения, обусловленного настолько узким или скоропреходящим личным интересом, что он препятствует обретению больших или более долговременных благ. Образно говоря, эти правила побуждают сделать шаг назад, чтобы продвигнуться на два шага вперед. Моральные ограничения останавливают тех, кто готов отказаться от достойной жизни в погоне за сиюминутными удовольствиями. Они мешают индивидам строить узкопотребительские планы. Они поддерживают частную собственность и то, что достигнуто благодаря торговле, и поощряют сотрудничество в проектах, выигрыш от которых для каждого из их участников, действующих коллективно, — и не для них одних — больше, чем выигрыш для кого-либо в отдельности, получаемый в ущерб другим. Выражаясь языком экономической науки, они поощряют сотрудничество в создании общественных благ — благ, преимуществами которых пользуются не только люди, помогающие их оплачивать (Kincaid 1993, p. 328–329).

То, что этические правила служат названным целям, никоим образом не доказывает, что они специально для этого и предназначены. Да и цели, которым совместно служат члены общества, сами по себе не достаточны, чтобы у каждого была серьезная побудительная причина подчиняться правилам в индивидуальном порядке. Откуда берет начало мораль и какое основание может быть у индивида для нравственного поведения — это широкие вопросы, требующие подробного обсуждения.

Вильгельм Рёпке, указывая на тесную взаимосвязь рынка и других общественных институтов, предостерегает от *déformation professionnelle**, тенденции к узкоэкономическому пониманию различных сторон жизни. Такой уклон обнаруживается в стремлении расширить рамки чисто экономического анализа и в недооценке того, до какой степени функционирование рыночной экономики зависит от ее воплощения в некоторой социальной структуре и некоторой этической системе. Внимание к этике помогает избежать «экономического» уклона. «Рынок представляет общество только в одном разрезе. <...> Знать одну лишь экономическую науку — значит не знать даже и ее. Не хлебом единым жив человек, сказано в Евангелии. Постараемся же не уподобляться тому карикатурному экономисту, который, наблюдая, с какой охотой люди трудятся на своих дачных участках, замечает, что это нерациональный способ производства овощей, и думает, что тут не о чем и говорить, забывая, что это, может быть, весьма рациональный способ производства счастья, а счастье в конечном счете — единственное, что имеет значение» (Röpke 1958/1971, p. 91–92, перепечатано с издания 1960 г. в Schuettinger 1970, p. 76).

Двоякая связь: каким образом экономическая наука проясняет этику

Не для всех экономистов характерен уклон, выявленный Рёпке. Многие способны внести вклад в изучение этики, поскольку они, так же как Юм и Хайек (см. Библиографию), понимают, что общественные институты иногда возникают и развиваются «стихийно», без продуманного общего плана. Примеры таких институтов — этические предписания, язык, общее право, частная собственность,

* Профессиональной деформации (*франц.*). Здесь и далее подстрочные примечания написаны переводчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru